

## ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТИ

*И.В. Халанский*

---

Рассматриваются важнейшие проблемы центральноазиатской интеграции.

*Ключевые слова:* интеграция; пространство; регионализм; перспектива.

Идея интеграции стран Центральной Азии стала актуальной практически сразу же после возникновения в регионе новых независимых государств. Эта идея не нова и впервые была озвучена в конце процесса перестройки в СССР. Ее актуальность в то время предопределялась необходимостью противостояния множившимся вызовам, возникающим из стремительного углублявшегося кризиса советской государственности как таковой.

В условиях быстро разрушавшегося единого советского государственно-политического и экономического пространства руководители республик региона стали брать судьбу своих стран в собственные руки. Для этого им пришлось наладить систему более или менее регулярных встреч друг с другом – как на двусторонней, так и на многосторонней основах. В середине 1990-х гг. была предпринята попытка наладить интеграционные связи между Казахстаном, Киргизстаном

и Узбекистаном в рамках Центральноазиатского сообщества (ЦАС), которое после присоединения к нему Таджикистана было преобразовано в Центральноазиатское экономическое сообщество (ЦАЭС). Правда эта попытка не имела особого успеха, так как каждая страна региона в основном самостоятельно решала и преодолевала проблемы, вызванные распадом советского государства. В 2006 г. был образован ЕврАзЭС [1].

Для всех внерегиональных сил создание единого пространства Центральной Азии выгодно с точки зрения обеспечения их собственных политических интересов. Далеко не случайно самыми настойчивыми сторонниками скорейшей интеграции государств региона выступают западные страны. Активно пропагандируя идею создания единого центральноазиатского пространства, западные сторонники региональной интеграции указывают на то, что длительное пребывание стран региона на этапе развития в рамках национальных государств не позволяет им эффективно решать наиболее острые вопросы экономического и политического развития. Это, в свою очередь, не позволяет найти удовлетворительное решение многих социальных проблем, что может привести к росту социальной и политической напряженности со всеми вытекающими из этого последствиями [2, с. 9–15].

Следует отметить, что повышенная озабоченность западных стран возможными последствиями роста социальной и политической напряженности из-за недостаточного развития и “неинтегрированности” местных экономик, объясняется сугубо политическими мотивами. До сих пор эти страны не проявляли никакого особого стремления к развитию широкого и взаимовыгодного экономического сотрудничества с центральноазиатскими государствами. Любые попытки последних начать диалог в данном направлении встречались сентенциями об обусловленности такого сотрудничества непременно внедрением в политическую жизнь на местах стандартов западной политической культуры.

Вместе с тем, западные страны, прежде всего европейские, откровенно опасались того, что возможные политические потрясения, вызванные социально-экономическим причинами могут вытолкнуть в Европу массу трудовых мигрантов и привести к власти в странах Центральной Азии силы, для которых исламские ценности являются определяющими. Таковую перспективу западноевропейцы считали для себя неприемлемой. При явном нежелании активно вкладывать средства в развитие реальной эко-

номики региона, они были готовы тратить на выдвижение и реализацию инициатив по стимулированию интереса входящих в него стран к интеграции.

Выступая за скорейшее создание единого интегрированного пространства Центральной Азии, западные страны, вне всякого сомнения, преследовали решение и такой весьма актуальной для них задачи, как ослабление российских позиций в Центральноазиатском регионе.

В последнее время на фоне достаточно высоких мировых цен на углеводородное сырье и роста зависимости от российских нефтегазовых ресурсов заинтересованность Запада, особенно западноевропейцев, форсировать центральноазиатскую интеграцию обрела новую мотивацию. Её суть заключается в стремлении ослабить свою нефтегазовую зависимость от России. Один из путей решения этой проблемы они видят в развитии отношений с интегрированной Центральной Азией, обладающей немалыми нефтегазовыми ресурсами. Изменение ситуации вынуждает западноевропейцев предлагать свое сотрудничество странам региона, называя его предложением помощи, с фактическим отказом от выдвижения неприемлемых для последних политических условий. Однако в этом случае уже не страны Центральной Азии, а сама Западная Европа оказывается в положении просителя. Таким образом, за столь большим вниманием западных стран к проблеме центральноазиатской интеграции скрывается, по большому счету, стремление обеспечить свои интересы в области безопасности: экономические, политические и цивилизационные.

Усилился и интерес России к странам Центральной Азии, в частности, и к проблеме региональной интеграции. Реализацию подобного проекта Россия рассматривает в качестве эффективного инструмента укрепления собственных позиций в регионе и ограничения неприемлемых для интересов России попыток западных стран расширить и упрочить свои экономические и политические возможности в Центральной Азии.

Так, возможна ли вообще реальная интеграция и имеется ли в ней потребность для стран Центральной Азии? По мнению эксперта Московского центра Карнеги А. Малащенко здесь видятся три сценария:

Первый – нестыковка национальных интересов будет приводить к систематическому обострению отношений между бывшими советскими республиками, которые все интенсивнее закрепляют свои отношения с различными

внешними партнерами. Такой сценарий предполагает возможность межгосударственных конфликтов на границах с целью их перекройки и высокий уровень нестабильности. Про интеграцию можно забыть.

Второй – внезапное, а главное – единогласное, решение всех национальных элит объединить экономические и политические усилия, создать общий рынок, в том числе – рабочей силы и капиталов, начать практическое воплощение проекта “Шелковый путь”. Как результат такого единодушия – формирование некой общерегиональной организации, с делегированием ей наднациональных (пусть и незначительных) полномочий. Начальным этапом осуществления этого сценария становится урегулирование основных спорных вопросов. Объяснять нереальность такого сценария нет особой необходимости, хотя, как известно, подобное прожектерство имело место в 90-е годы.

Третий сценарий предполагает трех-, четырехстороннее сотрудничество на постоянной основе по ключевым проблемам – энергетической, водной и пограничной. Причем, речь идет не об унифицированной, всеобъемлющей программе, но о частных аспектах. Эти проекты могут существовать как в рамках только центрально-азиатского диалога, так и с привлечением внешних субъектов или под эгидой ныне существующих международных организаций, например ШОС или ЕврАзЭС. Такое взаимодействие уже имеет место, хотя отдача от него не слишком велика. Такой сценарий возможен и реален [3, с. 16–20].

Так можно ли говорить об устоявшемся формате интеграционных процессов? Скорее нет, чем да, потому что:

- многочисленные интеграционные идеи и концепции пока не материализовались в устоявшиеся прочные структуры;
- зачастую срабатывает стереотип, по которому превалирует не стремление к разумному и продуктивному компромиссу, а попытка “переиграть друг друга”;
- еще чувствительно дают о себе знать: рецидивы “детской болезни суверенности”, известная расплывчатость в определении национальной идентичности, а также неустойчивость в определении внешних стратегических приоритетов;
- кроме того, политические элиты Центральной Азии уже привыкли к вкусу собственной независимости и в полной мере не готовы принести часть ее в жертву интересам интеграции.

А нужна ли вообще интеграция в Центральноазиатском регионе или это только дань моде? Вне сомнений, да. Во-первых, это соответствие общемировым интеграционным тенденциям периода глобализации, а во-вторых, объективная потребность в региональной интеграции все более осознанно воспринимается властью и обществом стран региона. Дискуссии в основном развиваются вокруг будущих форм, темпов и участников интеграционных процессов. Кроме того, новые независимые государства Центральной Азии располагают объективными предпосылками, чтобы стать ядром интеграционных процессов вокруг Центральной Азии:

- все страны региона сталкиваются с очень схожими проблемами: привлечение инвестиций, решение транспортных задач, преодоление бедности, модернизация социально-политических и экономических систем и высвобождение их от советских рудиментов, рациональное использование невозобновляемых природно-энергетических ресурсов, проблемы экологии;
- все страны региона располагают подавляющим в количественном отношении мусульманским населением, но при этом демонстрируют твердую приверженность развитию светской государственности, и с этой точки зрения представляют собой единый уникальный фрагмент мусульманского мира;
- все страны региона однозначно подтверждают свой приоритет во внешних ориентациях на Россию и развивают с ней сотрудничество в самых различных политических, торгово-экономических, военных и иных сферах;
- наконец, все страны региона пока сохраняют необходимую для интеграционных процессов языковую инфраструктуру (русский язык) [4, с. 21–28].

На этом фоне идеи “Большой Центральной Азии”, муссируемые США, представляются достаточно преждевременными, поскольку расширение состава участников Центральной Азии чрезвычайно усложнит и без того пеструю региональную мозаику. Кроме того, процесс становления институтов региональной интеграции ещё далек от завершения и чрезмерное расширение состава его участников не только усложнит процесс, но и принесет угрозу подрыва многих перспективных проектов, а также ненужных политических осложнений.

Оценивая нынешнее состояние интеграционного процесса, необходимо особо выделить

тот факт, что ни одна из стран региона не располагает достаточным ресурсом, чтобы продуктивно исполнять роль лидера региональной интеграции. Кто же реально способен и готов выступить “локомотивом” реализации интеграционных проектов в Центральной Азии? Это предполагает определить круг внешних партнеров, воспринимающих Центральную Азию как единый регион и готовых выступить в роли системообразующего стержня.

Следует отметить, что Россия не только восстанавливает свое присутствие в регионе, но и существенно наращивает его. Москва постоянно демонстрирует свое уважение суверенности новых государств Центральной Азии и их признание в качестве равноправных партнеров, учитывает их стремления и потребности, но выстраивает свою стратегию в регионе, прежде всего, отстаивая и защищая свои собственные интересы. Можно с уверенностью предположить, что Россия и в дальнейшем будет стимулировать процессы региональной интеграции, используя для этого свои лидирующие позиции в таких организациях как СНГ, ЕврАзЭС и ОДКБ. Москву, естественно, беспокоит то обстоятельство, что инициатива в области интеграции может перейти к Китаю.

США являются новым игроком в государствах ЦА и в отличие от России не имеют здесь жизненно важных интересов. Во многом по этой причине вначале отношения США с новыми государствами Центральной Азии носили вялотекущий характер, так как американцы не имели четко разработанной стратегии в отношении стран региона и компенсировали это возможностью лавировать, используя традиционные рычаги влияния.

После 2001 г. ситуация радикально изменилась. США получили реальную возможность для своего военно-политического присутствия в странах региона. Это дало администрации США основание для использования региона в качестве плацдарма для реализации своих стратегических задач. Однако США был допущен ряд просчетов, ослабивших их позиции в Центральной Азии. Прежде всего, в Вашингтоне во-время не почувствовали разочарования элит Центральной Азии по поводу несбывшихся надежд на массивную материально-финансовую помощь, переоценили степень зависимости стран региона от политической воли США, командный стиль которых периодически вызывал явное и скрытое раздражение. Война в Ираке оказала негативное влияние на имидж американцев.

Вдобавок, как оказалось, связи между бывшими советскими республиками оказались не только не утраченными, но, напротив, востребованными и нуждающимися лишь в модернизации. По этим причинам США оказались не в состоянии играть роль регионального интегратора.

Тем не менее, никто из стран региона не отказывается от сотрудничества с США, равно как и в Вашингтоне воспринимают страны Центральной Азии в качестве серьезных и сложных партнеров. Во всяком случае, ясно, что искусственно сближать страны региона за свой счёт в Вашингтоне не торопятся.

КНР также новый игрок на “центральноазиатском поле”. Примечательно, что Китай демонстрирует целостное восприятие Центральноазиатского региона, свидетельством чего является активное стремление вовлечь в структуру ШОС Узбекистан, хотя поначалу Пекин принципиально выстраивал свои отношения в рамках усиления доверия между КНР и приграничными странами СНГ [5, с. 89–96].

Для Китая развитие отношений с Центральной Азией вписывается в стратегию борьбы за жизненное пространство. В этой связи практически все интеграционные инициативы и усилия КНР в Центральноазиатском регионе нацелены на достижение собственных стратегических интересов, прежде всего свободного и в известной степени льготного доступа к источникам сырья и выход на рынки стран региона. Однако интеграционный потенциал Китая в Центральной Азии по-прежнему носит ограниченный характер из-за отсутствия опыта и традиций долгосрочной работы КНР в этом регионе, как и стран Центральной Азии в Китае. Кроме того, в Пекине понимают, что попытки форсирования своего присутствия в Центральной Азии столкнутся с противодействием со стороны не только России.

Тем не менее, можно предположить, что КНР продолжит свою стратегию расширения сотрудничества со странами Центральной Азии, в том числе с использованием возможностей ШОС. Маловероятно, что такая позиция станет основой для стимулирования региональной интеграции, однако она в известной степени удобна странам Центральной Азии, которые, за редким исключением, остаются приверженными политике сдержек и противовесов на внешнем поле.

Весьма специфична и роль Европейского Союза в Центральной Азии. Вплоть до 2007 г. ЕС традиционно исходил из необходимости признания странами Центральной Азии европейских ценностей демократии и либерализма.

Отношения ЕС со странами Центральной Азии выстраивались прямо пропорционально тому, насколько адекватно отвечают страны региона соответствующим требованиям и нормам. В конечном итоге все более очевидным становилось то, что многолетние попытки «втиснуть» страны Центральной Азии в устоявшиеся европейские схемы и модели не только бесперспективны, но и во многом контрпродуктивны.

В качестве постскриптума можно упомянуть и исламскую компоненту региональной интеграции. Можно смело утверждать, что подобная перспектива не устраивает ни правящие элиты, ни большую часть общества в новых государствах Центральной Азии. Это связано, главным образом с тем, что страны региона заинтересованы в развитии отношений с теми государствами, которые располагают не только привлекательными финансовыми ресурсами, но и возможностями способствовать технически-технологическому прорыву стран Центральной Азии. В настоящее время ни одна из ведущих мусульманских стран сегодня не способна решить эту сложную проблему.

Подводя итоги, можно с небольшими дополнениями, присоединиться к выводам узбекистанского эксперта Р. Сайфулина:

Идеи региональной интеграции, несмотря на многочисленные провалы при практической реализации, не только не утрачивают своей актуальности, но напротив, получают развитие на базе осмысления накопленного опыта, в том числе и отрицательного. В странах Центральноазиатского региона усиливается понимание того, что на нынешнем этапе различные интеграционные концепции и схемы должны реализовываться в конкретных проектах.

На современном этапе речь может идти исключительно об интеграционных тенденциях в сфере торгово-экономических отношений. Только конкретные результаты в этой области дадут возможность дискутировать о приемлемых контурах политической интеграции.

Сегодня можно говорить лишь о тех формах сотрудничества, которые выбирают для себя страны региона в рамках сформированных организаций, ни одна из которых, однако, пока не может

претендовать на роль структурирующего каркаса региональной интеграции.

Известны основные участники процесса региональной интеграции в Центральной Азии. На нынешнем этапе представляются бесперспективными попытки их расширения, равно, как и попытки вычленения из этого списка узкого интеграционного ядра. Из внешних партнеров Центральной Азии никто, включая Россию, пока не готов взять на себя бремя ответственности за интеграцию стран Центральной Азии, даже если это сулит серьезные экономические и политические дивиденды.

В условиях абсолютного превалирования национальных интересов над потребностями интеграции нет никакой необходимости в форсированном создании наднациональных структур. Существующие организации в лице СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ, создают вполне удобные и достаточные рамочные условия для поиска оптимальных партнеров и форм сотрудничества [4, с. 27–28].

#### *Литература*

1. *Омаров Н. М.* Центральноазиатская интеграция: миф или реальность? // Состояние и перспективы развития внешней политики Кыргызстана. Бишкек, 2009.
2. *Князев А.А.* Интеграционные проекты и геополитическое соперничество в Центральной Азии // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы. Бишкек, 2007.
3. *Малашенко А.В.* Тупики интеграции в Центральной Азии // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы. Бишкек, 2007.
4. *Сайфулин Р. Ш.* Центральноазиатская интеграция: сложный путь от деклараций к реалиям // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы. Бишкек, 2007.
5. *Сантханам К., Рамаксант Д.* ШОС и её роль в продвижении регионального сотрудничества // Афганистан, ШОС, безопасность и геополитика Центральной Евразии. Бишкек, 2008.